

*Белорусский писатель  
Александр Александрович Милин*

Л. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

## Театр, рожденный Октябрем

Искусство белорусского народа молодо — ему столько же лет, сколько Белорусской советской республике.

Что имели мы прежде, до революции? Лишь песню. Ни театра, ни живописи, ни музыки... Все заменяла песня. Неизбывной тоской разливалась она над нашими бескрайними полями, лесами, болотами, горькая и печальная, как доля белоруса. Но не только жалоба и скорбь звенели в песне, порой в ней звучали радость и веселье, надежда на другую, счастливую жизнь.

Не любили нашу песню господа, называли «мужицкой», запрещали и преследовали. Но песню, как вольную душу народа, нельзя задушить, убить никакими гонениями, нищетой, голодом. И песня жила.

Когда я оглядываюсь назад, из вереницы лет встает в памяти 1920 год. Только что изгнали из белорусской земли белополяков, только-только отстремели последние выстрелы. В республике — разруха, нищета, голод. Но освобожденный народ думал не только о «хлебе насущном», не меньше, чем хлеб, ему необходимо было искусство. Одним из первых решений советской власти было создание в нашей столице белорусского национального театра. А до революции в Минске не было никакого театра, не только белорусского, но и русского. До революции наша песня жила лишь в поле да хате, а теперь зазвучала в полный голос со сцены. Да разве только это? Я не говорю о высших учебных заведениях, у нас ведь не было даже школ. Все, что теперь стало привычным и повседневным, что так прочно вошло в жизнь, как будто испокон веков существовало в ней, создавалось на моих глазах после Октября, и создавалось впервые.

Что ни возьмешь, о чем ни заговоришь, все у нас «первое». Первый в истории Белоруссии университет, первый белорусский драматический театр, первая консерватория, первый музыкальный театр, первая опера, первый балет... После революции впервые народная песня зазвучала со сцены, с клубной эстрады, по радио. Вспоминаю свои тогдашние выступления — какой это было радостью нести любимые песни в рабочую аудиторию, труженикам села! Пела я тогда в национальном костюме — вышитая кофта, передник поверх яркой цветной юбки, белый платочек, завязанный у подбородка, лапти. Теперь, исполняя народные песни, я, как в былые годы, надеваю белорусский костюм. Все осталось в нем прежним, только лапти я давно заменила ботиночками, как сделали это наши белорусские крестьянки. Не правда ли, незначительная деталь концертного костюма? Но она говорит об очень значительных переменах в жизни народа. Лапти безвозвратно отошли в прошлое, как исчезли навсегда соха, курная изба, хлеб с мякиной. Привольно и богато живет белорусский народ, и песни его звенят радостью и счастьем!

Каждый, кто хоть раз бывал в Минске, верно, обращал внимание на белое круглое здание, величественное и массивное, горделиво возвышающееся на просторной площади Парижской Коммуны. Это — наш Большой